

Анастасия Апрель

13 месяцев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17804985

ISBN 9785447459635

Аннотация

Рассказы, которые вошли в этот сборник, повествуют о дружбе и любви, верности, преданности и пристанище, о вечном поиске и о том, о чём мы зачастую молчим. Произведения объединены одной центральной тематикой, которой и отдаёт своё предпочтение в жизни Анастасия Апрель. Это любовь. Её чувствуют, за неё бьются, кто-то от неё избавляется, а кто-то, наоборот, её только приобретает. Атмосфера сборника меняется с каждой страницей, что даёт возможность испытать весь спектр чувств и эмоций.

Содержание

13 месяцев	5
Всеми виной монета	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

13 месяцев рассказы Анастасия Апрель

© Анастасия Апрель, 2016

© Евгений Боровков, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я так часто слышу о том, что кто-то стремится к богатству и славе. Так уж вышло, что во мне таких стремлений нет. Всё, к чему стремлюсь я, – это душа и сердце читателя. Разумеется, я уважаю внутренний мир человека, и я не стремлюсь проникнуть в голову каждого и что-либо там изменить. Напротив, я хочу быть пробуждением или уместным дополнением. Я хочу быть одеялом, которое бы согревало Вас в холодные и мрачные дни. Я хочу быть плотком горячего чая, опорой, которая позволила бы Вам устоять.

Окунитесь в это путешествие вместе со мной и поверьте в существование самого чистого и невинного чувства на свете – поверьте в любовь.

Анастасия Апрель

13 месяцев

Апрель

Первый этаж. Папа тянет меня на улицу. Весенние ручьи на дорогах и слякоть. Я иду в детский сад с отцом, он держит мою маленькую ручонку, а я кричу о том, как сильно хочу в постель. Розовое платье, которое недавно мне купила мама, скрывается под пальтишком очень тёмного цвета. Папа несёт сумку с моими туфельками, мне не терпится их наконец надеть. Мне четыре года. Меня мало что беспокоит. Разве что монстр под кроватью, которого никто не видит и поэтому никто не может прогнать. Дядя Андрей очень добр ко мне. Это он подарил мне книжонку с детским фольклором, после которой ко мне переселился тот самый монстр. Несколько раз отправляла своего монстра домой к дяде Андрею. Не идёт.

Май

Пятый этаж. Мой монстр трижды плюнул на мою кровать, когда увидел мой новый шкаф, и, помахав мне мохнатой рукой, скрылся за деревянной дверцей. Придётся освободить ему часть шкафа, иначе вновь перейдёт под кровать. Мне восемь лет. В новом доме нет лифта – у меня новая причина для нытья. Мама с папой часто ругаются, когда думают, что я сплю. А я не могу уснуть из-за того, что монстр в моём шкафу начинает škодить по ночам. Он не выходит ко мне, но постоянно чем-то шелестит, а когда я набираюсь смелости подойти к шкафу, он пугает меня и продолжает škодничать.

Июнь

Седьмой этаж. Мои ровесники всю гуляют большими компаниями, возвращаются домой поздно вечером, пробуют спиртное втайне от родителей, обустраивают свою личную жизнь, а я устанавливаю на полу четыре элемента – огонь, воду, землю и воздух – и зываю к тому, кто способен вернуть мне моего монстра. Со стороны это выглядит спектаклем на очередном детском утреннике. Но я уверена в том, что у меня получится, это же столько раз показывали в фильмах!

Зажжённая ароматизированная свеча сильно пахнет. Вскоре этот запах доходит до мамы, которая была в соседней комнате, так что она врывается в мою и видит меня в защитном круге, который я нарисовала мелом прямо на полу. Кажется, мама поражена, она испуганно глядит на элементы, задувает свечу, отчитывает меня и вылетает из моей комнаты.

Бояться нечего, мам, мой ритуал не сработал. Мне четырнадцать лет, и в моём шкафу и под моей кроватью нет монстра. Я начинаю чувствовать себя одинокой.

Июль

Девяносто седьмой. Чуть больше месяца осталось до одного из самых важных дней для семилеток. Для всех семилеток, кроме меня, хотя мне тоже семь. Чуть больше чем через месяц я пойду в первый класс. Ещё недавно я хотел туда не меньше остальных. Я, по сути, понятия не имел, чему меня там будут учить и как, но был уверен, что мне понравится. Сейчас же я хотел туда только потому, что реже желал бывать дома. Я остался с отцом, который понятия не имеет, что со мной делать. Он не знает, что я ем на завтрак, не знает, во что я должен быть одет и как укладывать мне волосы, так что выглядел я, надо признать, странно. Я был в старой футболке, на которой я когда-то прожёт дырку горячей спичкой, и новых брюках, изначально отложенных для школы. Отец постоянно ругается за чумазое лицо и грязные брюки, которые в таком же виде я надевал на следующий день.

Август

Две тысячи шестнадцатый. Сухо, как в Сахаре. Я остался без отца. В руке – гитара, справа – сухое поле, слева – оно же. Подо мной асфальтовая дорога со скромной, едва заметной белой разметкой. На мне футболка, джинсы и кеды. Я ступаю по двойной сплошной. Если бы я не знал, что нахожусь в России, решил бы, что каким-то макаром меня занесло в один из штатов Америки – Техас. Гитара в паре сантиметров от асфальта, одно неловкое движение – и начнёт скрежетать по моим мозгам.

Всё, что у меня осталось, – это гитара и диплом, который должен был меня согревать. Как бы не так. Я не знаю, куда иду и как давно. Просто плетусь по старой загородной дороге. Асфальт здесь всё ещё целый, странно, что здесь никто не ездит. Но то, что за всё время моего скитания по этой дороге я не встретил ни одной машины, – факт.

Воздух свежий, а пахло сухой травой и чем-то пряным. Мне вдруг вспомнилось детство с такими же запахами и все те деревни, куда меня на лето отправляли родители.

Сентябрь

Две тысячи пятнадцатый. Золотая осень обошла меня стороной. Я слоняюсь по аэропорту. На мне футболка, джинсы и кеды. В руке – гитара. Время от времени я задеваю корпусом пол. Вокруг рой любопытных глаз, тарашащихся на меня. Я без сумки, без багажа, даже без портмоне. Посадочный талон покоится в кармане и там же немного денег. Я с гитарой. За окном – хаосно расставленные самолёты и затянутое небо над вышкой. Моросит дождь. Погода вызывает у меня отвращение. Ещё немного – и я буду посреди облаков, про которые столь много всего написано.

В другом городе меня ждёт отец, который так внезапно слёг в постель. Хочешь не хочешь, а вспоминаешь болезнь матери и её скорые похороны. Если отбросить существование гитары, то моя жизнь стоит на месте. У неё нет желания куда-то идти, к чему-то стремиться.

Хотел бы я посмотреть на того, кто воодушевлён облаками. Ему следует проверить психику. Сам не увидел ничего. За стеклом иллюминатора – крошечная тьма, хоть глаз выколи. А может, всё дело в ночи? Успел разругаться со стюардом: видите ли, нельзя при взлёте сидеть с гитарой. Выдал ему, что решительно отказываюсь взлетать без гитары. Он уже готов был выставить меня прямо в аварийный выход, не прибегая к помощи трапа: вышел – и всё. Но тут в ссору ввязалась женщина, заступившаяся за меня, и стюардесса. В конце концов от меня и гитары отстали, сказав мне напоследок, что я волен делать что хочу. Во время посадки ко мне уже никто не подходил.

Октябрь

Тринадцатый этаж. Теперь мы живём в старой четырнадцатизэтажке. Кажется, мои родители наконец остепенелись, перестали жаловаться на квартиру, на сам дом, на район. Я же, наоборот, только начала. Мне нравились все прежние квартиры, но не эта. Родители тщательно скрывали все грехи, квартира выглядела новенькой, как с обложки журнала, но я же не дура. Например, если убрать обшивку возле раковины на кухне, можно докопаться до ржавых труб, страшных, как атомная война. Возле раковины вечно пахнет сыростью и грязью, которая таится под обшивкой. В моей комнате очень светло, но неуютно и холодно – не спасут ни батареи, ни обогреватели. Холод идёт от стен, пола и потолка. Входную дверь здесь постоянно заедает. Отец уже дважды менял замок – бессмысленно. Я думаю, что это здешнее проклятие. Словом, я не в восторге от минувшего переезда, однако есть то, что не может меня не радовать: мне семнадцать лет, и, кажется, я впервые по-настоящему влюбилась.

Ноябрь

Тринадцатый этаж. Я заталкиваю свои вещи в сумку, сейчас одна минута первого, за окном ночь. Родители уже спят, а мне только что исполнилось восемнадцать. Я собираюсь покинуть этот дом и переехать к тому, кто ждёт меня в машине возле дома. Родители узнали, что я связалась со взрослым мужчиной, запретили мне с ним видеться. К счастью, у моего мужчины имелся альтернативный вариант – он предложил мне сбежать к нему. Идёт уже третья минута моего совершеннолетия – мой путь к свободе.

Мне больше не придётся терпеть скрипучие полы, скрипучие двери и заедающий механизм в пластиковых окнах, вечно срабатывающую сигнализацию и шумных соседей.

Родителям я оставила записку. Может быть, позже они меня поймут?

Декабрь

Две тысячи четырнадцатый. С того проклятого дня прошло почти два года, а я до сих пор вижу себя на той промёрзшей лавке, я до сих пор не могу согреться – дрожь скользит по рукам. Всегда было интересно, что я буду чувствовать в этот момент. Скажу тебе, моё минувшее счастье, я словно вышел покурить с умершими от рака лёгкими. При вдохе – сильный хрип, как у прокуренного алкаша, при выдохе – кровавые плевки. Внутри саднит, похоже, и там я что-то успел испортить. Я словно ускоренный процесс гниения. Я закрываю глаза с надеждой, что забуду всё, как страшный сон. Открыв, понимаю, что я физически здоров: у меня нет ни кашля, ни хрипа, а внутри всё же саднит. У меня болят и стонут невидимые органы. Вот придёшь к врачу, он спросит: «Где болит?», а я и сказать не знаю что. Готов лишь кричать: «Вот здесь же, здесь! Видите?», – а сам незнамо куда показываю. Я чувствую, что я жив. Я знаю, что впереди ещё многое ждёт, а чувство всё же такое, будто по мне прокатилась фура, при этом меня даже не удосужились отправить в больницу. Мол, ступай ты, само заживёт. Дрожь скользит по рукам. Тебя нет. Со мной холод.

Январь

Две тысячи тринадцатый. Я сижу на лавке посреди Первомайского сквера. На улице – семнадцать градусов ниже нуля, но мне тепло. Я жду женщину, которая просто не умеет не опаздывать. В кармане зимней куртки бархатная коробочка с недорогим кольцом. Сегодня я защитил диплом и сегодня собираюсь предложить своей женщине официально связать свою жизнь со мной. Я откладывал этот момент бесконечное количество раз, хотя давно без ума от этой женщины. Моей ошибкой было то, что я был уверен – пока я не получу диплом, на меня нельзя положиться. Если бы понял свою оплошность раньше, то сейчас многое было бы сделано, а не пылилось на антресолях. Я давно хотел купить гитару, обучиться игре на ней, но откладывал до окончания университета. Я был уверен, что это обучение только помешает основной учёбе. А сейчас понимаю, насколько это было глупо. Захотел – бери и делай.

Моё тепло резко сменяется тревогой и тоской, и я начинаю чувствовать холод, когда смотрю на часы: она должна была прийти час назад. В эту минуту я начинаю что-то понимать, но не позволяю мыслям окончательно пускать корни в моей голове. Вместо раздумий я набираю её номер на сотовом, но она не отвечает. Я сижу на промёрзшей лавке, в кармане зимней куртки бархатная коробочка с недорогим кольцом. Она не придёт.

Февраль

Пятнадцатый этаж. Со злостью я заталкиваю все свои вещи в сумку. В таких случаях, кажется, обычно обвиняют мужчину. Мол, это он такой мерзавец, испортил мне всю жизнь. Ведь так говорят? Только у меня всё по-другому: это я дура. Ведь никто меня не заставлял к нему переезжать, никто меня не обманывал. Я с самого начала догадывалась, с кем имею

дело, но всё же сделала ставку. Такие, как он, не меняются. Или, по крайней мере, не меняются с такой, как я: молодой, взбалмошной, импульсивной, ревнивой особой.

С какой-то грустью я оглядываю квартиру. Сердце щемит не от того, что я уйду от него, а от того, что я больше не проведу ни дня в этой квартире, а ведь она так мне нравилась. Здесь всего две двери – входная и дверь в ванную. Потолки высокие, стены окрашены краской цвета слоновой кости. В гостиной белый велюровый диван, кофейный столик и небольшие тумбы тёмных цветов. Гостиную и спальню разделяет белая ниша, на которой покоится разная дребедень – от ароматизированных свечей и книг до брелоков, которые он коллекционирует. В спальне окна во всю стену, большую часть комнаты занимала роскошная широкая кровать. Белое постельное бельё, множество подушек и цветное покрывало, лежащее в изножье кровати. Мне девятнадцать лет, и я снова переезжаю.

Я выхожу на лестничную клетку и, хотя я это всегда ненавидела, спускаюсь на первый этаж не на лифте, а по лестнице.

Март

Две тысячи семнадцатый. Прежде я думал, что в гитаре моё спасение. Что она – это тот мой мир, в котором я мог скрыться от всех и всего. Я и скрывался. Все два года – с тех самых пор, как купил её. Я не представлял себя без неё, не представлял, что могу уехать куда-то без гитары, не представлял, что смогу прожить хотя бы один грёбаный день, не взяв её в руки. Когда я хотел шагнуть с крыши или вылететь в реку с моста, я брал гитару и забывал обо всех глупостях, забывал о ребячестве, которое временами просыпалось во мне.

Сейчас, когда я увидел её, девушку на лавке, я понял, как ошибался. Гитара была не спасением, она была моим мостом, соединяющим прежнюю жизнь и новую, которая мне только предстоит. Она была мостом, который я только что перешёл, – я прекрасно это понимал. Я перешёл на другой берег, меня наконец отпустило прошлое.

Я осторожно подсел к одиноко сидящей девушке. Выглядела она печальной, я пытался казаться безобидным. Она в синем пальто и голубом берете. Пряди русых волос аккуратно лежали на плечах. Я ничего не говорил ей, лишь протянул ей свою гитару. Мне-то она больше не нужна. Возможно, теперь в её жизни она станет таким же мостом, каким была у меня? Сегодня мне исполнилось двадцать семь, и я перешёл на новый этап своей жизни.

Апрель

Первый этаж. Я вывожу дочь на улицу. Весенние ручьи на дорогах и слякоть. Я наконец-то обрела свой дом. В моей руке сумка с нарядным платьем и туфлями для дочери. Я веду её в детский сад, ей четыре года. Незадолго до того как мы вышли из дома, я отправила мужа на собеседование. Еле отговорила его не надевать кеды и джинсы. Давно уже взрослый мужчина, а всё равно ведёт себя как ребёнок, но мне это никогда не надоест. Он смешит меня своими причудами, во время которых я ещё раз понимаю, как сильно люблю его. Мне кажется, что все эти годы, что мы были с ним не знакомы, я смотрела на мужчин только для того, чтобы найти его. Его – в настоящем моего мужа и отца моего ребёнка. Всё это время жизнь сама вела меня к нему. Я должна была пройти все пятнадцать этажей, чтобы спуститься обратно – на первый – и найти его.

Гитара стала нашей, мы потихоньку начинаем обучать игре на ней нашу дочь. Возможно, когда-нибудь уже она отдаст её тому, кто будет в ней нуждаться. Однако стоит признать, что она не такая, как я или муж. Хотя мы и живём на первом этаже, она с удовольствием взлетает по лестнице до последнего этажа и мигом спускается обратно. Она не откладывает желания и мечты на потом, берётся за всё сразу, хотя часто эти желания не для её возраста, но это её только подстёгивает. И всё-таки кое в чём мы с ней схожи: под её кроватью живёт монстр, по которому я когда-то тосковала.

...но собираясь ко сну, вытаскивая последнюю шпильку из волос и укрываясь одеялом в кровати, я панически боялась, что наутро проснусь – и вернётся та жизнь без него. Когда его не было нигде. Когда я не могла ему даже позвонить или написать. Вернётся жизнь, которая была заполнена всеми разнообразными вещами и которую я когда-то считала насыщенной. Но в ней не хватало самого главного – моей личной радуги в его лице. Мои дни были заполнены серым цветом. Оттенки были матовыми и тусклыми, а мне так не хватало света, мне так не хватало яркости! И наутро, просыпаясь, я первым делом брала в руки телефон, набирала номер и спрашивала: «Ты здесь?». Каждое утро он отвечал мне: «Я с тобой».

Всему виной монета

– Итак, Надежда, давайте начнём. Раз Вы пришли ко мне, то Вас что-то беспокоит? Какая причина была последней, которая побудила Вас на посещение психоаналитика?

– Потеря моего жениха, моей работы, вина в смерти маленького мальчика и дурное желание, которое я когда-то загадала и о котором сейчас жалею, – всё это и есть мои причины.

Надежда, темноволосая, не очень высокая женщина, сидела в одном из кресел большого кабинета. Психоаналитик сидел чуть сбоку от неё, удерживая на коленях чёрную папку со своими записями. Это был мужчина почтенного возраста, с седой головой, без растительности на лице и одет в отчасти потрёпанную одежду. Он то и дело поглядывал на свои часы, словно боялся куда-либо опоздать. Образ доктора вселял в Надежду непривычное чувство комфорта и спокойствия.

Кабинет был светлым за счёт двух больших окон. Из мебели был диван, кушетка, два кресла и несколько небольших тумбочек. Часть кабинета скрывалась за декоративной ширмой, где, скорее всего, располагался рабочий стол психоаналитика.

Врач сделал несколько пометок в своей раскрытой папке.

– Сколько Вам лет?

– Тридцать четыре.

– Вы не работаете?

– Сейчас – нет.

– Где Вы работали раньше?

– Я была учёным в сфере секретных разработок.

– Судя по тому, что жениха Вы поставили на место первой причины, то он – главное для Вас в этом перечислении?

Женщина помотала головой:

– Это не перечисление, это цепь.

– Значит, причины напрямую связаны между собой?

Она кивнула.

– Вернёмся к жениху. Он – главная причина?

– Да. Перед ним я больше всего виновата.

– Вы расположили причины по порядку? В зависимости от того, насколько Вы причастны...

– Нет, нет! – перебила она его. – Здесь другое. Я люблю его, поэтому он первый.

– Хорошо, начнём с самого начала. Когда Вы познакомились с женихом?

– Месяца два назад.

– Так, – мягко кивнул врач. – Продолжайте, рассказывайте.

И она начала свой рассказ:

– Я была руководителем отдела, поэтому встречи со спонсорами доставались мне. Моей задачей было заинтересовать спонсора нашими разработками. Безусловно, разработки были показаны ложные, всё было засекречено. Обнародованием настоящих разработок перед некоторыми людьми из правительства занимался мой начальник, так что я даже не знаю, сколько именно человек знало о том, чем мы в действительности занимаемся. Виктор Смоллов был наслышан о нас, так что в первой нашей встрече он проявил интерес. Я видела его раньше по телевизору, но впечатление от встречи было совсем другим. Может быть, уже тогда я в него и влюбилась. В высокого, широкоплечего, мощного телосложения мужчину. Раньше мне не нравились лысые мужчины, а в этот раз меня так притянуло, что я и задуматься над этим не успела.

Виктор не видел во мне женщину, я чувствовала это. Но я хотела, чтобы он стал иначе относиться ко мне, иначе на меня смотреть и совсем иначе разговаривать. К тому времени мы уже подписали договор с ним о спонсорстве, и он вот-вот должен был уехать в Москву.

Мой дед по материнской линии был коллекционером, а ещё он ненавидел моего отца. В детстве дед мне зачастую рассказывал о вещах и безделушках, что хранились у него. Но больше всего я запомнила историю об одной монете. Она хранилась в бархатной шка-тулке на шёлковой подстилке. Дед говорил, что в первую ночь полнолуния в ней скаплива-ется магическая сила. Чтобы активировать монету, нужно загадать желание под открытым небом и бросить монету в воду...

Надежда на некоторое время замолчала.

– Знаете, я, наверное, зря к Вам пришла. Извините, – она уже собиралась встать с кресла.

– С чего Вы так решили?

– Вы отправите меня в психушку.

– Я этого не сделаю.

– Сделаете. У Вас вдобавок и другие клиенты есть сегодня. Вы то и дело смотрите на часы, я же знаю, что время ограничено, а я не смогу прийти к Вам во второй раз, поэтому не нужно было приходить и в первый.

– Удерживать Вас я не могу, но я предлагаю Вам рассказать сегодня всё. Не бойтесь меня, сегодня я Ваш друг.

Она помотала головой:

– У Вас другие клиенты.

– Я всё отменю.

– Почему?

– На сегодня у меня ещё два постоянных клиента, которых на данном этапе ничего не тревожит. Так что они ничего не потеряют.

– А Вы – да.

– Так Вы расскажете мне свою историю?

– Вы не посчитаете меня шизофреничкой?

– Я не сочту Вас больной.

Она вздохнула и продолжила:

– Как я уже сказала, дед ненавидел моего отца и не доверял ему. Он не мог оставить свои коллекции моей матери, так как был уверен, что мой отец или всё выбросит, или про-даст. Поэтому дед завещал всё мне. Вещей было очень много, большую часть я продала, остальное осталось у меня. Монету я, конечно, оставила.

Перед днём отъезда Виктора как раз была первая ночь полнолуния. Я вышла на улицу, дошла до реки и загадала желание. Монета потонула в воде, и я вернулась домой. Я пожелала, чтобы Виктор меня полюбил. Когда я вернулась домой, времени было уже за полночь, я не рассчитывала, что что-то произойдёт именно сегодня, но так или иначе мне позвонил Виктор. Признался, что ему не спится, и сказал, что если мне тоже не до сна, то мы можем встретиться на площади. Ну какой у меня после этого мог быть сон? Я, разумеется, побежала к нему.

Воспользовавшись паузой, которую выдерживала Надежда, психоаналитик спросил:

– Значит, Вы были уверены, что всё это – исполнение монетой Вашего желания?

– Разумеется, я была уверена. Старая легенда и такое совпадение – о чём ещё мне думать?

Врач кивнул.

– Продолжайте, пожалуйста.

– С этого момента всё и началось. Он так и не уехал в Москву, все дела решал здесь, созывал помощников, которые приезжали сюда. Он купил дом в пригороде, и как-то сразу я переехала к нему. Казалось, мы не расставались с ним ни на минуту, а я была так счастлива. Но главное – я не чувствовала никакой фальши от него. Он не переигрывал, не был слишком навязчивым или слишком холодным – всего было в меру. Я сейчас даже не помню, о чём мы разговаривали, но помню, что очень часто смотрели друг другу в глаза и боялись упустить этот момент, когда открывали для себя что-то новое.

Довольно быстро он сделал мне предложение. Я согласилась, но попросила его отложить свадьбу. К тому времени мне уже хотелось всё рассказать Виктору о том, что я загадала в то полнолуние, я хотела убедиться, что у нас всё может быть по-настоящему, а не потому, что нами руководит монета.

После того как я отложила свадьбу, Виктор делал мне предложение каждый день. Может, ради забавы. Он делал мне кольца из скрепок и надевал их мне на свободные от колец пальцы. В те моменты мне казалось, что он и вправду любит меня.

Надежда вновь замолчала. Психолог сделал пару заметок в своих записях и посмотрел на свою клиентку.

– Вам тяжело это рассказывать?

Она мотнула головой.

– Тяжело то, что дальше.

– Давайте. Не торопясь.

– Однажды я решила на то, чтобы показать ему свою работу. Был поздний вечер, я знала, что кроме охраны там едва ли кто-то есть. Мне удалось провести Виктора внутрь. Честно говоря, я до сих пор не знаю, отреагировал ли он на то, что увидел, или нет. Понимаете, часть сотрудников работали с людьми в коме, у которых не было родственников и у которых практически не оставалось шансов прийти в сознание. На них ставили опыты, с ними постоянно экспериментировали, и это страшное зрелище. Представьте, например, что Вы увидели на кушетке женщину, подсоединённую к аппарату искусственного поддержания жизни, а вдоль обеих ног этой женщины и грудной клетки совсем свежие швы. Я не работала над людьми, моя сфера ограничивалась только механическими разработками, но отдел-то был один. Однако в тот день наше внимание было направлено на другое. На территории научного центра есть открытый бассейн. Чтобы попасть к нему, достаточно перелезть через забор с колючей проволокой. Я, право, не знаю, как так получилось, но к бассейну пробрались несколько детей. Бассейн был не для купания, в нём проверяли подводные разработки, из-за этого дно было с землёй и водорослями. Максим и Марина, мои коллеги, в тот вечер задержались в центре, но сигнал тревоги они не слышали. Мы с Витей добрались до бассейна, на тот момент двое мальчиков уже были в воде, и мы нырнули. Одного я довольно быстро обнаружила, хотя под водой практически ничего не было видно. Второго мы долго искали, а когда нашли, было уже поздно, – Надежда ненадолго прервалась и тяжело вздохнула. – Дальше всё происходило слишком быстро. По протоколу Виктора обязаны были задержать, так как он находился на засекреченном объекте. Его посадили под замок в нашем отделе, начальство должно было подъехать в течение суток. Я знала, что меня уволят со скандалом, если я первая не напишу заявление и не уйду.

– Вы написали заявление? – спросил психолог.

– Да.

– Что случилось с Виктором? Он изменил своё отношение к Вам?

– Не знаю.

– Вы не говорили с ним после этого?

– Говорила. Пока я была в центре, я видела его лицо, от которого меня бросало в лихую дрожь. Я никогда его таким не видела. Я не могла уйти, не поговорив с ним, но и зайти к нему

боялась. Дед мне говорил, что действие монеты прекращается после мощного эмоционального потрясения, так что я была уверена, что и моё желание, и чувства Виктора ко мне уже давно не здесь. Главное, когда прекращается действие монеты, загаданное желание не просто уходит, оно забирает с собой воспоминания тех людей, которые косвенно относились к этой монете. То есть желание загадала я, значит, я буду помнить всё, остальные будут жить так, будто ничего не было.

– Даже Ваши коллеги, которыми он был задержан?

– Они бы помнили, за что они его задержали, но не помнили бы, что он связан со мной. То есть моя вина бы осталась, но никто бы уже не знал, что он мой жених, муж и так далее.

– Продолжайте. Вы зашли к нему?

– Зашла. Я начала с извинений, обращалась к нему на «Вы». Сказала, что мне жаль, что он меня не помнит.

– Так, – почти вытягивал из неё информацию мужчина. – Он что-то сказал?

Она кивнула.

– Сказал мне: «Как я могу не помнить женщину, которой делал предложение?» Я была сбита с толку этой фразой, и мне стало так мерзко от самой себя. Значит, та монета попросту не сработала. Значит, всё было по-настоящему. Значит, он любил меня, а я по своей глупости и подставила его, и обманула.

– Надежда, Вы не думали, что монета не то что не сработала, а вообще не обладает никакими магическими свойствами?

– Возможно, – пожав плечами, сказала она. – Сейчас это уже неважно.

– В чём Вы его обманули?

– В том, что я загадала желание.

– Разве это важно? Уверен, что при нормальных обстоятельствах он бы спокойно это воспринял. Может быть, Вы бы вместе посмеялись над этим.

– Что же тогда?

– Возможно, его смутила другая ложь. Ложь о Вашей работе, настоящих разработках или же он решил, что и Вы ставили опыты над людьми. Он сказал Вам что-нибудь ещё в тот вечер?

– Нет. Не помню. Хотя... я рассказала ему о монете.

– Как он отреагировал?

– Сказал, что я глупая, что он на самом деле ни к кому такого не испытывал.

– А где Виктор сейчас?

– Он всё ещё там. Его не выпускают.

– И они держат его там? Какой абсурд! – воскликнул психоаналитик.

– Вы мне не верите?

– Что Вы! Я верю Вам, верю. Но у меня возник такой вопрос на фоне всего этого: почему его задержали, а Вас – нет? Предполагаю, что у Вас куда больше информации, чем у него.

Она пожала плечами и задумалась.

– Мы подписываем договор при приёме на работу, нам нельзя разглашать то, над чем мы работаем, даже после увольнения. Но есть исключения для супругов. Если бы я сразу вышла замуж за Виктора, то, может, этого всего бы не было. Я бы могла ему всё рассказать, не нарушая протокола.

– Что – всё?

– О своей работе.

– Но не о желании?

Она опустила голову.

– Не знаю, – сказала Надежда. – Наверное, нет. А может, не сразу решилась бы.

- Вы хотите ему помочь?
- Конечно! Но я не знаю как.
- Никто не может Вам посодействовать? – спросил мужчина.
- Нет. Хотя... подождите. Максим и Марина остались при своих рабочих местах.

Но они вряд ли мне помогут.

- Почему Вы так думаете?
- Рисковать работой ради меня – глупо. Но у меня мало влиятельных связей.
- Может быть, у Виктора их больше?
- Возможно, но как мне их найти?
- Если Ваши коллеги не могут Вам по-настоящему помочь, то маленькую услугу оказать, я полагаю, в состоянии? Почему бы им не спросить самого Виктора? Ведь, как я понял, у них есть доступ к нему?
- Да, – кивнула Надежда. – Но с чего Вы взяли, что он станет говорить с ними?
- Они могут сказать, что пришли по Вашей просьбе, а от Вас он не откажется. Опять-таки, как я понял, он любит Вас.

Надежда замолчала.

- Что Вы на это скажете? – спросил психоаналитик.
- Что это сработает, – произнесла она, но отчасти в вопросительном тоне. – Тогда мне нужно идти.

– Не спешите, Надежда. Я бы хотел ещё кое-что Вам сказать.

– Что ещё?

– Я рад, что мы наконец-то нашли решение Вашей проблемы. Это случилось впервые за то время, что Вы находитесь в нашей клинике. Все прежние мои варианты Вы отвергали. Прямо скажем, агрессивно на них реагировали. Совместными усилиями мы преодолели Вашу склонность к психозу.

– Что Вы такое говорите? – перебила она его.

– Надежда, я Ваш лечащий врач. Я не психоаналитик, я психиатр. Вы находитесь в психиатрической лечебнице уже три месяца. Вспомните, Вас уволили из научного центра по неосторожности, погиб Ваш коллега.

– Но там Витя!

– Послушайте меня внимательно, – мягко начал доктор, – Виктор – плод Вашего воображения. Он появился в качестве Вашей защитной ширмы от настоящей реальности. Вам проще было обвинить себя в других вещах и переживать их, чем принять действительность. Но сегодня мы продвинулись вперёд, теперь я могу заверить Вас в положительных прогнозах. Думаю, завтра мы сделаем ещё один шаг вперёд, – улыбнулся он и нажал на кнопку, расположенную на подлокотнике его кресла.

– Это было. Я знаю, что это было на самом деле, – дрожащим голосом твердила женщина. – Вы говорили, что не примете меня за сумасшедшую!

– Я не считаю Вас сумасшедшей, Надежда. Я считаю Вас своей пациенткой. Всё будет хорошо, не волнуйтесь, – заверял он её.

В кабинет вошли двое молодых мужчин в белых халатах, но к Надежде не прикоснулись. Видимо, каждый раз они надеялись, что она сама послушно вернётся в свою палату. Но женщина взбунтовалась и набросилась на врача.

– Я знаю, что это было! Пока мы сидим здесь, его могут убить! Сделайте же хоть что-нибудь! – кричала она.

Врач жестом остановил санитаров и спокойно взял женщину за локти.

– Давайте решим так: Вы пойдёте отдыхать, а я освобожу Вашего жениха. Договорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.